

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 230-238
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.230

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Personal and Political Biography of G. Valikhanov in the Imperial Context of the Russian Colonization of the XIXth – early XXth centuries

Zhanar B. Nurkina ^a, Michael K. Churkin ^{b, c, *}, Yerkin A. Abil ^d, Marat Z. Utegenov ^e

^a Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^d Institute of State History, Astana, Republic of Kazakhstan

^e Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to identifying the iconic plots of the personal and political biography of the outstanding Kazakh-Russian military, state and political figure G. Valikhanov. Appeal to the biographical method and the contextual approach in constructing the life path of a “second plan” person in history opened up a broad research perspective for understanding the sociocultural situation, within which in the nineteenth and early twentieth centuries. The Russian Empire implemented a colonization policy in the Central Asian region, relying, among other things, on representatives of the national elites who were ready to demonstrate loyalty to the imperial administration.

Based on published materials and unpublished information extracted from the archives of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, the stages of the military and socio-political biography of Sultan-Gaza Valikhanov were identified, the formation of whose personality took place against the background of the influence of both the traditionalist environment of the steppe aristocracy, and Russian educational and state-administrative structures.

In the course of the study, it was proved that the political biography of G. Valikhanov was typical for representatives of the tribal steppe aristocracy of the second half of the 19th century, however, as a result of the active colonial expansion of Russia, the status of local political elites underwent some changes, which was due to the need to incorporate indigenous peoples into the Russian society, and elite groups were considered as a kind of "locomotives" organizing this movement. It has been established that the military, state and socio-political career of G. Valikhanov was generally successful. At the same time, he himself, like many steppe aristocrats, found himself in the role of a hostage of the imperial policy on the eastern outskirts, in the logic of which the national political elites were perceived as a tool for introducing Russian administrative orders and cultural conventions.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Sultan-Gazy Valikhanov, personal and political biography, steppe aristocracy, colonization.

1. Введение

В условиях антропологического поворота и институционализации «новой исторической науки» актуальным представляется обращение к сюжетам политической и личной биографии человека

* Corresponding author

E-mail addresses: proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), shanar_77@mail.ru (Zh.B. Nurkina), yerkinabil@gmail.com (Y.A. Abil), utegenov@inbox.ru (M.Z. Utegenov)

«второго плана» в истории, что открывает перспективы изменения исследовательской «оптики» в оценке многих знаковых событий отечественной и мировой истории Нового и Новейшего времени. Так, исторический опыт российской колонизации, в том числе Азиатской России, продолжительный период рефлексировался научным сообществом обезличенно, в рамках национально-государственного метанарратива, и маркировался стандартными формулами: «переселенческое движение», «колонизационная политика», «антиколониальное движение», «инородческий вопрос». Подобная риторика, являясь политически ангажированной, стала своеобразной «визитной карточкой» историографической традиции позитивистской эпохи, демонстрировала сугубо ориенталистский подход к осмыслению окраинной политики России: форм и содержания коммуникаций представителей различных этносов и конфессиональных групп на востоке империи, практик управления в периферийных регионах, взаимоотношений власти с национальными элитами в системе координат колонизационного процесса. Между тем вне поля зрения специалистов располагались проблемы социокультурной адаптации индигенных народов азиатской периферии к социуму, формирующемуся в колонизационной ситуации Зауралья, стратегий социального, политического поведения локальных сообществ коренного населения, в том числе региональной аристократии, в рамках коммуникации с акторами империи.

В этой связи справедливым представляется замечание М.К. Чуркина: «...Во второй половине XIX века присоединение к России крупных этнорегионов, в том числе Степного края, превратило империю в государство полиэтничного типа. В этот период сложилась острая необходимость в создании единой модели управления национальными окраинами, что должно было стать гарантией сохранения целостности империи. Во многом поэтому имперские власти изначально демонстрировали лояльное отношение к этническим элитам, были ориентированы на регулярное сотрудничество с ее представителями» (Чуркин, 2022: 34).

В данном отношении отметим, что алгоритм сотрудничества имперской власти и коренной аристократии выработывался в конце XVIII и XIX столетиях, что материализовалось в практике принятия на службу родовитых казахов и присвоении им высоких воинских званий.

Султан-Гази Валиханов принадлежал к когорте первых профессиональных военных, мобилизованных империей из степной аристократической среды. И в этом смысле обращение к сюжетам личной биографии Валиханова предоставит возможность проследить логику имперской мобилизации степной аристократии в качестве одного из колонизационных сценариев на ранних этапах инкорпорации восточных краев в состав России.

2. Материалы и методы

Решение исследовательских задач, связанных с выявлением практик и механизмов коллаборации имперской власти России с представителями национальных элит, осуществляется на материалах биографии Г. Валиханова, что в рамках направления «новая биографическая история» предполагает реконструкцию личной жизни, судьбы, внутреннего мира индивида, а также выявление контекстуальных факторов становления личности исторического персонажа.

Основным инструментарием «творческой лаборатории» авторов статьи является биографический метод, ориентированный на вскрытие внутреннего мира персонажа на основе широкого круга неопубликованных (материалы архивов ГИАОО, ГАТ, ЦГА РК) и опубликованных (периодическая печать, энциклопедические издания, биобиблиографические публикации, художественная литература) (Брокгауз, Ефрон, 1907: 808-809; Быков, 1891: 258-259; Стрелкова, 1983: 264) источников. В процессе работы учитывалась направленность метода на конструирование исторической перспективы события и воссоздание тематической «истории жизни», отразившей важную с точки зрения понимания исторической реальности второй половины XIX в. фазу жизненного цикла субъекта исследования – Г. Валиханова.

3. Обсуждение

Личная и политическая биография Г. Валиханова не являлась предметом специального исследования ученых, выступая лишь одним из сюжетов обширной историографической традиции изучения казахско-русских отношений в XIX – начале XX вв. В этот период российское государство вело активную колонизационную работу в пограничных зонах восточной периферии, определяемой имперскими экспертами в соответствии с ориенталистской рецепцией востоковедения как «собственный Восток России» (Тольц, 2013; Сулейменов, Басин, 1981). В российском и казахстанском историографическом дискурсе обсуждение круга вопросов политических, хозяйственно-экономических и культурных коммуникаций титульного этноса и российских переселенцев в Степной край, во многом определивших содержание и формы административного управления регионом, дискутировались с учетом субъективного фактора: интеллектуальной деятельности персоналий, и в частности представителей степной аристократии. Так, интерес к личности Г. Валиханова фрагментарно был представлен в работах историков России и Республики Казахстан, отразивших в своих научных публикациях ситуацию включенности персонажа в систему социокультурных

отношений и связей империи в середине – второй половине XIX века (Абуев, 2005; Дмитриев, 2013; Хафизова, 2019; Сатенова, 2013).

В целом можно говорить о достаточном исследовательском потенциале разработки личной биографии Г. Валиханова, позволяющем осуществить исторический «монтаж» его жизни и деятельности со сложными процессами инкорпорации степной периферии Востока в общеимперское пространство.

4. Результаты

Детальное знакомство с материалами биографии Гази Валиханова – чингизида, потомка казахского хана Абылая и первого старшего султана Уали-хана Губайдуллы Валиханова (1770–1852) – позволяет не только проследить «линию судьбы» яркого представителя степной аристократии XIX столетия, но и выявить основные периоды его жизненного пути, в силу исторических обстоятельств совпавших со знаковыми изменениями, происходившими в организации управления и администрирования в Степном крае, входившем в круг геополитических интересов Российской империи исследуемого периода.

Следует подчеркнуть, что формирование личности Г. Валиханова (1842–1909) происходило в условиях степной аристократической среды, поддерживавшей историческую память казахских элит о ханском периоде – эпохе государственной независимости и широких властных полномочий, что фиксировалось в источниках и тиражировалось в научной литературе. Сохранились сведения о детях главы клана Валихановых – Аббасе и Губайдолле, которые «ездили... в Кульджу для отправления в Пекин, но цзянь-цзюнь (наместник китайского императора) объявил, что по смутным обстоятельствам это сделать нельзя, и они возвратились обратно на сих днях» (Валиханов, 1985: 346). По констатации исследователя И.В. Ерофеевой, дед Валиханова Губайдулла имел свою собственную печать, клеймо (тамгу), без которого стал бы «анонимным, безликим, то есть недействительным. Все они имели единое клеймо (тамгу), называемое «хан тамгой» («хан-тамга»): персональные перстневые печати строго определенной каплевидной формы с красивым орнаментальным декором, являвшиеся исключительной монополией сословия чингизидов» (Ерофеева, 2001). Амбициозность намерений степной аристократии подтверждал и В.А. Моисеев: «Недовольный лишением ханского звания и, видимо хорошо зная печальную участь султана Младшего жуза Арынгазы, поехавшего в 1821 году в Петербург добиваться ханского звания и закончившего в 1833 г. свои дни в ссылке в Калуге, Губайдулла Валиханов в 1822 году отправляет посольство к цинскому императору Даогуану (личное имя Мянньнин) с просьбой – провести поминки по его покойному отцу хану Вали и утвердить его в ханском звании» (Моисеев, 2001: 13). Подобная практика защиты традиционных национальных интересов являлась обычной и рассматривалась как инструмент сохранения ханской власти и ее влияния в казахском обществе (Цинская империя..., 1989: 25).

Таким образом, Губайдулла позиционировал себя борцом за сохранность и целостность казахских земель, что побуждало власти империи прилагать максимум усилий по дискредитации его авторитета среди казахских родов (Абуев, Жапекова, 2017: 82; Потанин, 1896: 78).

Несмотря на сложность ситуации, Губайдулла сумел найти силы для нового сопротивления, что, несомненно, оказалось зафиксировано в памяти его потомков.

Важным переломным моментом в сознании степных аристократических элит первой четверти XIX в. становилось формальное признание имперских административных порядков и разработка адекватных ситуации сценариев социального поведения, в рамках которых лишение наследственного ханского звания восполнялось назначением на должность старшего султана того или иного окружного приказа. Губайдулла, возглавив султанат в Кокчетаве, по сути, стал государственным чиновником Российской империи, с одной стороны, сохранив влияние на подданных, заручившись поддержкой имперской администрации, с другой – это влияние обеспечивалось и со стороны аристократических групп.

Выскажем предположение, что этот апробированный представителями старшего поколения степных элит поведенческий алгоритм принимался на вооружение детьми и внуками, реализуясь как в практиках демонстрации лояльности империи, так и в постоянном поиске политических союзов, могущих способствовать реставрации ханской власти. На последнее обстоятельство неоднократно указывали представители высшей региональной администрации.

Так, в 1823 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич в письме министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде сообщал: «Ведут китайцы деятельную переписку с султанами влиятельными, особенно с внуком (сыном) хана Уалия старшим в роде султаном Губайдуллой Уалихановым, которого китайцы, дабы показать зависимость от них киргизцев, домогаются возвести со стороны своей на ханское достоинство» (Абуев, Жапекова, 2017: 94).

Полковник С.Б. Броневский в своих предписаниях заседателям Кокшетау и Каркаралинска приказывал, в частности, «учредить в округе специальные разъезды..., готовые выступить с половиною команды и орудием конной артиллерии в военном порядке навстречу, уведомив китайцев о безопасности их от Российского войска» (ГАТ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-2об., 50б.); организовать правительственную экспедицию с целью напомнить Губайдулле о его подданстве Российской

империи, что исключает какие-либо самостоятельные решения и договоры с Китаем (ГАТ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-2об., 5об.).

В архивных фондах ГИАОО отложились сведения об активных контактах представителей родовой степной аристократии с китайскими делегациями в районе Баян-Аула, в числе участников которых со стороны киргизов (казахов) Н.Г. Путинцев и В.С. Лукин называли родственников Губайдуллы (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 423. Л. 15-18). Путинцеву, с его слов, было дано даже специальное разрешение чинить препятствия этим отношениям, применяя силу, что, однако, не было сделано из-за опасений протеста среди степняков.

Для того чтобы следить за Губайдуллой, Путинцев под предлогом необходимых работ в Каркаралинском округе направляется туда с намерением действовать совместно с каркаралинским военным отрядом, о чем косвенно свидетельствовал С.Б. Броневский: «Дав знать о г. Путинцеве Каркаралинскому заседателю сотнику Карбышеву, я с тем вместе предписал послать нарочных на встречу первого, дабы направить его прямо к Каркаралы, а между тем иметь неослабный надзор разъездами и, не допуская Губайдуллу на свидание с китайцами, отозвать его в одной округ из глаз окружающих его киргизов, схватив, представить в Омск за крепким присмотром. Донеся о сем вашему высокопревосходительству, я, хотя и не могу сделать заключение о последствиях, которая, смотря по возможности, представляю к вам и с нарочным, но полагаю, что китайцы, увидев наши войска, немедленно примут обратный путь и, хотя сверх всякого ожидания, Губайдулла и прикрылся бы к ним от разъездов наших, то, насытив свое корыстолюбие теми подарками, которые при подобных случаях выдаются от китайцев и за которыми он увлечен, должен будет возвратиться, тогда можно иметь возможность поступить с ним, как обстоятельства потребуют и как определит правительство» (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 703. Л. 1).

Броневский, отмечая в целом спокойную ситуацию в приграничном районе, тем не менее подчеркивал важность усиления его охраны и увеличения численности там русских отрядов: «Случаем сим ни мало не нарушалось спокойствие и тишина, но, чтоб иметь из оных чаще донесения, я усилил сообщение до того, что можно будет в неделю отправлять двух нарочных» (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 703. Л. 1). Данное решение стало своеобразной реакцией на объяснения Губайдуллы по поводу его связей с китайским правительством, установление которых он объяснял незнанием российских законов (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 423. Л. 50-51).

Из сыновей Губайдуллы Болатхан Валиханов был формальным ханом Старшего жуза, а Чингис Валиханов значился ханом Кушмурунским и султаном Аман-Карагайского округа. По утверждению Н.С. Путинцева, сын Губайдуллы Болат вел активную дипломатическую работу, возглавляя депутацию степных аристократов, направленную в Санкт-Петербург с ходатайством о присуждении его отцу султану Губайдулле ханского титула. Кроме того, депутатам вменялось в обязанность требовать от российских властей прекращения введения в степи нового устройства и ликвидации окружных приказов (Путинцев, 1991: 139). Данные поездки, несмотря на неудовлетворительный их результат, четко демонстрировали политическую позицию и национальные устремления степных элит, готовность их не только декларировать требования, но и действовать военными методами.

Биография внука Губайдуллы и сына Болат-султана Гази-Болат Валиханова до некоторой степени позволяет говорить о разрыве традиции, наметившемся во второй половине XIX в. в сообществе степной аристократии, что проявилось в расширявшейся практике влияния на национальные элиты российских структур образования и военного воспитания. Г. Валиханов, закончив Сибирский кадетский корпус в Омске, служил в российской армии. В полном послужном списке поручика Султана Гази Валиханова за 1866 г. имеются такие сведения: «Родился 3 апреля 1842 г. Учился в Сибирском кадетском корпусе. В службу вступил из кадет Сибирского кадетского корпуса корнетом, с зачислением по армейской кавалерии, в распоряжение командира Отдельного Сибирского корпуса – 16 июня 1859 г. Отправлен в штаб этого корпуса – 1859 г., августа 7. Состоял при командире Отдельного Сибирского корпуса с 12 сентября 1861 г. В дальнейшем был командирован для несения службы в Тобольский конный (11-й) полк Сибирского казачьего войска – 12 сентября 1861 г. По распоряжению начальства прикомандирован к Белорусскому (гусарскому) его императорского высочества князя Михаила Николаевича полку – 1862 г., февраля 27. Прикомандирован Лейб-гвардии к Казачьему полку – 1862 г., августа 2. Прибыл – 1862 г., августа 13. Поручиком – 1863 г., января 23. По распоряжению начальства откомандирован от полка с зачислением в 10-й полк Сибирского казачьего войска, с оставлением по армейской кавалерии и в распоряжении начальника Алатауского округа – 1863 г., марта 13. Отправлен из одного – 1863 г., марта 25. Прибыл в распоряжение начальника Алатауского округа и казахов Старшего жуза – 1863 г., ноября 17. Откомандирован от начальника Алатауского округа к штабу 8-го полкового округа Сибирского войска – 1866 г., марта 31. По высочайшему повелению выступил по железной дороге из С.-Петербурга в г. Вильно, где находился по день отчисления от дивизиона с 1863 г., января 22 по 1863 г., марта 28. В делах с польскими мятежниками не был. Штрафам не подвергался» (История Казахстана..., 2007: 317).

Очевидно, что во второй половине XIX века отчетливо проявляла себя тенденция расширения круга коммуникации элитарных групп казахского общества, что выражалось, например,

во включении образованных по европейским «лекалам» степных аристократов в различного рода экспертную работу. Так, среди действительных членов ИРГО в конце 1895 г. числился «Вали-хан, султан Гази Булатович» (*Состав ИРГО, 1896: 16*). Напротив его фамилии была указана буква «Э», что означало принадлежность к отделению этнографии. Дата вступления в члены ИРГО – 4 ноября 1892 года. Из сведений о Султан-Гази Валиханове узнаем его должность и адрес: «Полковник Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. – 8-я Рождественская, 50, кв. 9» (*Состав ИРГО, 1896: 16*).

Одним из инструментов подтверждения лояльности степной аристократии акторам имперской власти являлось приближение ее видных представителей к высшей губернской администрации. Г. Валиханов, выполняя личные поручения генерал-губернатора Западной Сибири, был откомандирован к Черному Иртышу с целью убедить племена Семыз-Наймановского и других родов вступить в подданство России (Удербаета, 2020: 18). Благодаря высокому происхождению, прекрасным дипломатическим способностям Гази успешно справился со своей миссией.

Вместе с тем необходимо понимать, что границы лояльности степных аристократов имперской администрации являлись неустойчивыми, подвижными, что принималось во внимание российскими властями. Демонстрируя готовность защищать интересы российского государства, представители элит не могли не думать о своих соплеменниках и необходимости защищать их интересы. Данная позиция наглядно проявилась в поведении Г. Валиханова, принявшего участие в походе русских полков, возглавляемых полковником М.Г. Черняевым на юг Степного края (Казахстана), когда жестокое обращение с жителями г. Аулие-Ата (Тараз) с применением артиллерии вынудило его вслед за Ч. Валихановым порвать отношения с Черняевым и покинуть воинское подразделение.

В своих воспоминаниях Г.Н. Потанин писал: «При взятии Аулие-Ата зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками его, т.е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в военном походе, разошелся с Черняевым и уехал в Верный...» (*Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове: 264*).

Когда Ч. Валиханов подал в отставку из отряда Черняева, Султан-Газы в знак солидарности тоже отправляется в аул Тезека торе (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 1040б.*).

С 23 декабря 1865 г. поручик Г. Валиханов выходит в отпуск на четыре месяца (*ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 223. Л. 530б.*), после чего был прикомандирован к 8-му полку. Причина перевода в документах не оговаривалась, но очевидно, что Валиханову вменялись в вину его сепаратистские настроения, продемонстрированные в ходе похода М.Г. Черняева (*ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 297. Л. 1*). Только в 1867 г., во многом благодаря благосклонности военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского, обвинения Г. Валиханова в противозаконных поступках были признаны необоснованными (*ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 297. Л. 11*).

Тем не менее в силу изменившейся в 1860-х гг. геополитической ситуации в Степном крае, сопровождаемой эскалацией влияния мусульманства, российское правительство проявляло крайнюю осторожность в практиках взаимоотношений с элитарными сообществами региона и их отдельными представителями, стремясь ограничить влияние аристократии на коренное население. Подобные опасения являлись не беспочвенными, поскольку с образованием в Восточном Туркестане мусульманских государств рельефно обозначилась перспектива влияния ислама на степняков-кочевников. Опасность, связанная с перемещением казахов-мусульман в Илийский край, заставляла русские власти предпринимать военные меры, направленные на предотвращение конфликтов в приграничных зонах. При этом особое внимание уделялось выяснению настроений родовой аристократии. Показательным в данной связи является следующее сообщение, датированное маем 1868 г., согласно которому «...будто бы из Кашгарии получены письма на имя почетных родовых киргиз, в числе которых и на имя султана Тезека, с приглашением взволновать наших киргиз; что ввиду этого султан Тезек отнесся с приглашением, для этой цели, к волостным старшинам; что план их действий будет связан с одновременным движением к нашей границе таранчей и начнется нападением собранных киргизов на выселок Коксуйский и Карабулакский; и все эти действия будто бы начнутся в 5-м месяце их летоисчисления, или в июле месяце нашего года» (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 3*). В сообщении, помимо прочего, упоминался и Г. Валиханов, который в частных разговорах неоднократно утверждал, «...что прежде здешние степи являлись родиной «великих людей, как то: Тамерлан, Чингисхан, Батый, и что эти завоеватели наводили ужас на Россию и даже поработили ее...» (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 40б.*). Подобные высказывания вызывали обеспокоенность у российской администрации, поскольку ставили под сомнение авторитет и влияние России в регионе.

В результате вышеперечисленных инсинуаций в отношении некоторых султанов было заведено дело «О неблагоприятных действиях султанов: полковника Тезека Аблайханова и штабс-ротмистра Валиханова», которое было прекращено за недостатком улик, но оказало негативное влияние на репутацию и дальнейшую карьеру видных степных аристократов. Г. Валиханов был выслан в Акмолинскую область с разрешением урегулировать ряд финансовых вопросов полковника Тезека в Семиречье (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 157-1570б.*) и переведен впоследствии «в один из кавалерийских полков по выбору самого штабс-ротмистра Валиханова» (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1.*

Д. 43608. Л. 161). В 1879–1881 гг. Султан-Газы Валиханов находился в учебном кавалерийском эскадроне, выполняя достаточно широкий круг поручений: переводчика с восточных языков при хивинском хане и бухарском наследнике престола, участника посольств и деputationей в Китай и другие восточные государства (Удербаета, 2020: 25).

Показательно, что имперские власти, выстраивая модель коммуникации со степной аристократией, придерживались тактики тотального контроля над своими азиатскими «субалтернами» даже в тех ситуациях, когда прямая опасность от их деятельности уже не исходила. Сбор сведений, доносы, сообщения о настроениях являлись важными практиками имперского контроля над представителями национальных элит, что вполне соответствовало имперским задачам противодействия региональному сепаратизму и антиколониальным инсинуациям.

Так, исследователь К.К. Абуев со ссылкой на архивные документы привел достаточно яркий пример практики внутренних донесений о политически неблагонадежных лицах, к числу которых относился и Г. Валиханов (Абуев, 2005: 143): «...ныне он в отставке и проживает в Петербурге», при этом уточнялось, что «еще с юных лет он (Г. Валиханов) заявил себя как вредный деятель в степи и был переведен в Петербург, ...где его держали безвыездно, хотя два-три года тому назад он приезжал в Кокчетавский уезд – Куртугульскую волость, место своей родины, где имеется его дом. Приезд его ознаменовался целым рядом бесчинств и приглашением всех представителей народа» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 871. Л. 91). По словам начальника Кокчетавского уезда, Г. Валиханов осознавал свое высокое происхождение и отдавал себе полный отчет в том, что он обездолен и обижен властью (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 871. Л. 92).

Вместе с тем изменение места пребывания и жизненных обстоятельств ориентировало степных аристократов на разработку новых стратегий существования, что рельефно выражалось в переформатировании их коммуникативного пространства, складывании новых конвенций поведения, способствовавших реализации амбициозных планов.

Контактируя в столице со своими соплеменниками, участниками движения «Алаш» (М. Сейдалин, А. Турлыбаев, Ш. Косшыгулов, А. Букейханов), Г. Валиханов стремился включиться в общественно-политическую деятельность с целью защиты интересов своих соотечественников. Однако эти планы, равно как и попытка баллотироваться в Государственную Думу, успехом не увенчались. Сохранилось интересное свидетельство, иллюстрирующее мнение избирателей: «...Букейхан не образован по-магометански, а главное, не образован религиозно магометански, а порусски, поэтому многие не желают даже выбирать его представителем в Государственную Думу, как и хана Гази Валиханова, а желают человека степного» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 891. Л. 29).

Сюжеты личной биографии Г. Валиханова в петербургский период, репрезентируемые как в материалах периодической печати конца XIX в., так и в делопроизводственных источниках, довольно отчетливо свидетельствуют о глубоком личностном кризисе, переживаемом весьма амбициозным человеком, оказавшимся на периферии политической жизни империи.

В этот год получили широкое распространение слух об участии Г. Валиханова в подавлении польского восстания 1863–1864 гг. и опровергнутое позже свидетельство о награждении его «светло-бронзовой медалью за усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 103об.). Очевидно, что слухи во многом были инспирированы самим Гази и озвучены в качестве ответа на вопросы следователей по делу «о неблаговидной деятельности султанов» и были впоследствии опровергнуты: «состоя прикомандированным к 1 дивизиону этого же полка, двадцать второго января 1863-го года, по высочайшему повелению, по случаю польского восстания выступил по железной дороге из Санкт-Петербурга в г. Вильно, где находился по день отчисления от дивизиона, по двадцать пятое марта того же тысяча восемьсот шестьдесят третьего года. Поручик Валиханов в делах с польскими мятежниками не бывал и особых командировок не имел» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 223. Л. 24). При этом о получении каких-либо наград упоминаний нет.

Все это позволяет говорить о непосредственном участии Г. Валиханова в конструировании собственного персонального мифа с целью подчеркнуть свои «боевые заслуги». Вероятно, для знатного аристократа, чингизида, мифологический флер блестящей военно-политической карьеры был крайне важен, равно как и факт присвоения чина генерал-майора, не подтверждаемый источниками.

В этом смысле показательна и история с исполнением Г. Валихановым роли «двойника» Ч. Валиханова, описанная в трудах востоковеда К.Ш. Хафизовой (Хафизова, 2015: 25).

По сведениям С.В. Дмитриева, «генерал Султан-Гази Валиханов погиб 22 июня 1909 г. (был убит прислугой) на своей даче в Саблена под Петербургом во время ограбления (Дмитриев, 1891: 58). 1 июля его тело было на поезде доставлено в Петербург, где его встречали представители Мусульманского общества: его председатель полковник Давлечин, товарищ председателя Загид Шамиль, полковник Чернышев, купец Максудов, петербургские ахуны и муллы и др. Лейб-гвардии Атаманский полк, где служил султан Гази, выслал почетный караул». Так трагически оборвалась жизнь замечательного человека, патриота своей родины.

5. Заключение

Подводя общие итоги, отметим тот факт, что политическая биография Г. Валиханова может рассматриваться как достаточно типичная для представителей родовой степной аристократии второй половины XIX столетия (Ч. Валиханов, А. Букейханов и др.). В процессе российской колониальной экспансии и продвижения в Центрально-Азиатский регион статус местных политических элит претерпевал некоторые изменения, что было обусловлено стремлением имперской власти, в обстоятельствах формирования государства полиэтнического типа, опираться в своей деятельности на видных представителей региональной аристократии, пользовавшихся непререкаемым авторитетом среди соплеменников. Военная и дипломатическая служба, общественная работа стали основными «площадками» воспитания и демонстрации лояльности власти со стороны национальных элит. В данном отношении Султан-Газы Валиханов, как и многие другие деятели казахского национального боннда, через российские образовательные институты был инкорпорирован в систему имперской военной и государственной службы, проявив на этом поприще свои выдающиеся способности.

В то же время вынужденный разрыв с традицией, утрата властных перспектив становились для степных аристократов глубокой моральной травмой, следствием которой было социальное «отчуждение» группы и ее отдельных персон, соответствующим образом воспринимаемых в поле российской политической коммуникации.

6. Благодарности

Работа поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030»; The work was supported in the framework of «Priority-2030» by the Altay State University.

Литература

- Абуев, 2005 – Абуев К.К. Султан-Газы Валиханов // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность / Тезисы докладов и сообщений IV международной научной конференции, посвященной 170-летию Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валиханова / Под ред. А.П. Толочко. Омск: Издательство ОмГУ, 2005. С. 139-144.
- Абуев, Жапекова, 2017 – Абуев К.К., Жапекова Г.К. Губайдулла Валиханов: жизнь и общественно-политическая деятельность. Павлодар, 2015. 169 с.
- Брокгауз, Ефрон, 1907 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Гази Булатович Валихан / Энциклопедический словарь (Брокгауз и Ефрон). Т. VII А. СПб., 1907. С. 808-809.
- Быков, 1891 – Быков П.В. Г. Валиханов. Биографический очерк // Нива. 1891. № 11. С. 258-259.
- ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.
- ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области.
- Дмитриев, 2013 – Дмитриев С.В. Член Русского географического общества генерал султан Гази Валиханов // Страны и народы Востока. № 34. 2013. С. 311-323.
- Ерофеева, 2001 – Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и Новое время). Алматы, 2001. 152 с.
- История Казахстана..., 2007 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Народные предания об исторических событиях и выдающихся людях Казахской степи (XIX–XX вв.) / Сост. С.Ф. Мажитов. Алматы, 2007. 500 с.
- Моисеев, 2001 – Моисеев В.А. Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Сборник научных и публицистических статей. Барнаул, 2002. 171 с.
- Потанин, 1896 – Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство. 1896. № 8. С. 78-86.
- Потанин, 1985 – Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове / Валиханов Ч.Ч., Собрание соч. в 5 т. Т. 5. Алма-Ата, 1985. С. 346-368.
- Путинцев, 1991 – Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории сибирского казачьего войска. Со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Указатель. Омск, 1991. 137 с.
- Состав ИРГО, 1896 – Состав ИРГО. 31 декабря 1895 г. Спб., 1896. 66 с.
- Стрелкова, 1983 – Стрелкова И.И. Чокан Валиханов. М., 1983. 284 с.
- Сулейменов, Басин, 1981 – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе Российской империи в XVIII – начале XX века. Алма-Ата, 1981. 243 с.
- Тольц, 2013 – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М., 2013. 336 с.
- Удербаета, 2020 – Удербаета С.К. Казахские чиновники Туркестанского края. Алматы, 2020. 200 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Цинская империя и казахские ханства, 1989 – Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв. (1989). Ч. 2. Алма-Ата, 1989. 227 с.

Хафизова, 2019 – Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019. 476 с.

Хафизова, 2015 – Хафизова К.Ш. Последние годы жизни Чокана // *Мысль*. 2015. № 12. С. 19-28.

Чуркин, 2022 – Чуркин М.К. Аграрная колонизация Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. в репрезентации историографических источников / *Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы историографии и источниковедения Отечественной истории»*. Кокшетау, 2022. С. 44-50.

References

Abuev, 2005 – Abuev, K.K. (2005). Sultan-Gazy Valihanov [Sultan-Gazi Valikhanov]. Stepnoj kraj Evrazii: Istoriko-kul'turnye vzaimodejstviya i sovremennost'. Tezisy докладов i soobshchenij IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 170-letiyu G.N. Potanina i Ch.Ch. Valihanova. Pod red. A.P. Tolochko. Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 2005. pp. 139-144. [in Russian]

Abuev, Zhapekova, 2017 – Abuev, K.K., Zhapekova, G.K. (2017). Gubajdulla Valihanov: zhizn' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' [Gubaidulla Valikhanov: life and social and political activities]. Pavlodar, 169 p. [in Russian]

Brokgauz, Efron, 1907 – Brokgauz, F.A., Efron, I.A. (1907). Gazi Bulatovich Vali-han [Gazi Bulatovich Vali-khan]. Enciklopedicheskij slovar' (Brokgauz i Efron). T. VII A. SPb., pp. 808-809. [in Russian]

Bykov, 1891 – Bykov, P.V. (1891). G. Valihanov. Biograficheskij ocherk [G. Valikhanov. Biographical sketch]. *Niva*. 11: 258-259. [in Russian]

GAT – Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske [State Archive in Tobolsk].

GIAOO – Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [State Historical Archive of the Omsk Region].

Dmitriev, 2013 – Dmitriev, S.V. (2013). Chlen Russkogo geograficheskogo obshchestva general sultan Gazi Valihanov [Member of the Russian Geographical Society General Sultan Gazi Valikhanov]. *Strany i narody Vostoka*. 34: 311-323. [in Russian]

Erofeeva, 2001 – Erofeeva, I.V. (2001). Simvoly kazahskoj gosudarstvennosti (pozdnee srednevekov'e i Novoe vremya) [Symbols of Kazakh statehood (late Middle Ages and Modern times)]. Almaty, 152 p. [in Russian]

Istoriya Kazahstana..., 2007 – Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikah XVI–XX vekov. Narodnye predaniya ob istoricheskikh sobytijah i vydavushchihsya lyudyah Kazahskoj stepi (XIX–XX vv.) [History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries. Folk legends about historical events and prominent people of the Kazakh steppe (XIX–XX centuries)]. Sost. S. F. Mazhitov. Almaty, 2007. 500 p. [in Russian]

Moiseev, 2001 – Moiseev, V.A. (2001). Rossiya – Kazahstan: sovremennye mify i istoricheskaya real'nost'. Sbornik nauchnyh i publicisticheskikh statej [Russia – Kazakhstan: modern myths and historical reality. Collection of scientific and journalistic articles]. Barnaul, 171 p. [in Russian]

Potantin, 1896 – Potantin, G.N. (1896). V yurte poslednego kirgizskogo carevicha [In the yurt of the last Kyrgyz prince]. *Russkoe bogatstvo*. 8: 78-86. [in Russian]

Potantin, 1985 – Potantin, G.N. (1985). Biograficheskie svedeniya o Chokane Valihanove [Biographical information about Chokan Valikhanov]. Valihanov Ch.Ch., *Sobr soch. v 5 t. T. 5*. Alma-Ata, pp.346-368. [in Russian]

Putincev, 1991 – Putincev, N.G. (1991). Hronologicheskij perechen' sobytij iz istorii sibirskogo kazach'ego vojska. So vremeni vodvoreniya zapadnosibirskih kazakov na zanimaemoj imi nyne territorii. Ukazatel' [Chronological list of events from the history of the Siberian Cossack army. Since the time of the settlement of the West Siberian Cossacks in the territory they now occupy. Pointer]. Omsk, 1991. 137 p. [in Russian]

Sostav IRGO, 1896 – Sostav IRGO. 31 dekabrya 1895 g. [The composition of the IRGO. December 31, 1895]. St. Petersburg, 1896. 66 p. [in Russian]

Strelkova, 1983 – Strelkova, I.I. (1983). Chokan Valikhanov [Chokan Valikhanov]. M., 284 p. [in Russian]

Sulejmenov, Basin, 1981 – Sulejmenov, B.S., Basin, V.Y. (1981). Kazahstan v sostave Rossijskoj imperii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries]. Alma-Ata, 243 p. [in Russian]

Tol'ts, 2013 – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyj vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij period ["Russia's Own East": Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial Period]. M., 336 p. [in Russian]

Uderbaeva, 2020 – Uderbaeva, S.K. (2020). Kazahskie chinovniki Turkestanskogo kraja [Kazakh officials of the Turkestan region]. Almaty, 200 p. [in Russian]

CGA RK – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Tsinskaya imperiya i kazahskie khanstva, 1989 – Tsinskaya imperiya i kazahskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII - pervaya tret' XIX vv. Ch.2 [Qing Empire and Kazakh Khanates. Second half of the XVIII – first third of the XIX centuries. Part 2]. Alma-Ata, 1989. 227 p. [in Russian]

Hafizova, 2019 – Hafizova, K.Sh. (2019). Stepnye vlastiteli i ih diplomatiya v XVIII – XIX vekah [Steppe Rulers and Their Diplomacy in the XVIII – XIX centuries]. Nur-Sultan, 476 p. [in Russian]

Hafizova, 2015 – Hafizova, K.Sh. (2015). Poslednie gody zhizni Chokana [The last years of Chokan's life]. *Mysl'*. 12: 19-28. [in Russian]

Churkin, 2022 – Churkin, M.K. (2022). Agrarnaya kolonizatsii Stepnogo kraya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. v reprezentatsii istoriograficheskikh istochnikov [Agrarian colonization of the Steppe region in the second half of the XIX – early XX centuries in the representation of historiographic sources]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy istoriografii i istochnikovedeniya Otechestvennoi istorii»*. Kokshetau, pp. 44-50. [in Russian]

Личная и политическая биография Г. Валиханова в имперском контексте российской колонизации XIX – начала XX вв.

Жанара Базарбаевна Нуркина ^a, Михаил Константинович Чуркин ^{b, c, *},
Абиль Еркин Аманжолулы ^d, Марат Зеннатович Утегенов ^e

^a Университет им. Ш. Уалиханова, Кокшетау, Республика Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

^d Институт истории государства, Астана, Республика Казахстан

^e НАО «Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова», Кокшетау, Республика Казахстан

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению знаковых сюжетов личной и политической биографии выдающегося казахстанско-российского военного, государственного и политического деятеля Г. Валиханова. Обращение к биографическому методу и контекстному подходу в построении жизненного пути человека «второго плана» в истории открыло широкую исследовательскую перспективу для осмысления социокультурной ситуации, в рамках которой в XIX и начале XX вв. Российская империя проводила колонизационную политику в Центрально-Азиатском регионе, опираясь в том числе на представителей национальных элит, готовых демонстрировать лояльность имперской администрации.

На основе опубликованных материалов и неопубликованных сведений, извлеченных из архивов Российской Федерации и Республики Казахстан, были выявлены этапы военной и общественно-политической биографии Султан-Газы Валиханова в условиях как традиционалистской среды степной аристократии, так и российских образовательных и государственно-управленческих структур.

В ходе исследования доказано, что политическая биография Г. Валиханова была типичной для представителей родоплеменной степной аристократии второй половины XIX века, однако в результате активной колониальной экспансии России статус местных политических элит претерпел некоторые изменения, что было обусловлено необходимостью инкорпорировать индигенные народы в российский социум, а элитные группы рассматривались как своеобразные «локомотивы», организующие это движение. Установлено, что военная, государственная и общественно-политическая карьера Г. Валиханова в целом была успешной. При этом сам он, как и многие степные аристократы, оказался в роли заложника имперской политики на восточных окраинах, в логике которой национальные политические элиты воспринимались как инструмент внедрения российских административных порядков и культурных конвенций.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Султан-Газы Валиханов, личная и политическая биография, степная аристократия, колонизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), shanar_77@mail.ru (Ж.Б. Нуркина), yerkinabil@gmail.com (А.Е. Аманжолулы), utegenov@inbox.ru (М.З. Утегенов)